

УДК 398.21
ББК 82.3(2)

Пермские варианты сказочного сюжета СУС 502 «Медный лоб»: между книгой и фольклорной традицией

Варвара Евгеньевна Добровольская

(Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технология. Дизайн. Искусство): Российская Федерация, 119071, г. Москва, Малая Калужская ул., д. 1)

***Аннотация.** В статье рассматриваются два вновь выявленных текста волшебных сказок сюжетного типа СУС 502 «Медный лоб» (ATU 502 “Wild Man”). Два текста, представленных в статье, относятся к импровизационным формам, созданным сказочницами на основе книжных вариантов сказки. Под влиянием книжной традиции сказочники интересуются психологией персонажей, их внутренними переживаниями. В рассматриваемых текстах много разнообразных деталей предметного мира, размышлений сказочника о своих героях и т.д. Сказочники легко и очень органично сочетают мотивы разных сказок в одном тексте, у них появляются детали и образы из кино- и мультфильмов, но особое внимание они уделяют книге. Преимущественно это адаптированные тексты из сборника А. Н. Афанасьева. В основе сказок Е. Н. Новиковой и Н. А. Чечихиной лежат книжные версии сюжета 502. У Евдокии Николаевны источник можно назвать точно — это текст из сборника Афанасьева, для сказки Нины Андреевны прямой параллели нет, но книжное влияние на исполнительскую манеру сказочницы очевидно.*

***Ключевые слова:** русская волшебная сказка, исполнительское начало, фольклор и книга.*

***Дата поступления статьи:** 9 мая 2021 г.*

***Дата публикации:** 25 сентября 2021 г.*

***Для цитирования:** Добровольская В. Е. Пермские варианты сказочного сюжета СУС 502 «Медный лоб»: между книгой и фольклорной традицией // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 3. С. 53–65.*

***DOI:** <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.3.004>*

Сюжетный тип сказок о загадочном антропоморфном существе — Диком человеке, наделенном магической силой, плененном царем и освобожденном царевичем, который вынужден бежать от гнева отца, претерпеть лишения и потерять свой высокий социальный статус из-за происков хитрого слуги, а затем совершить множество подвигов с помощью чудесного помощника, известен в большинстве мировых традиций (см.

статью ATU 502 “Wild Man” [ATU 2004, 287–288]).

Традиционно сюжет о чудесном пленнике связывают с мифом о пленении Силена царем Мидасом, которому пленник открывает знания о будущем. Однако в мифе Силен, хоть и приводится в путях к царю, не является его пленником. Царь фригийцев устраивает праздник и богатый пир в честь Силена, а затем возвращает его Дионису. Здесь нет ни заточения

пленника в темницу, ни его неожиданно освобождения.

Отчасти отдельные мотивы данного сюжета связаны с мифом о Соломоне и Асмодее. Соломон заманивает демона в ловушку, держит пленник в саду, приковав его цепью с именем Бога, и только чрезмерное любопытство царя позволяет Асмодею освободиться.

Сюжет о лесном человеке, его освобождении из темницы и помощи изгнанному царевичу встречается в книге Дж. Ф. Страпаролы «Приятные ночи» [Страпарола 1978, V–1], где единственный сын короля Сицилии Гверино выпускает из отцовской темницы дикого человека. В этом тексте присутствуют такие узнаваемые для данной сюжетной схемы мотивы, как стрела царевича, которой завладел дикий человек и за возвращение которой он просит юношу открыть клетку; похищение у матери ключей от темницы; бегство королевича из дома; злой умысел слуг и подвиги героя, которые он совершает с помощью дикого человека (хотя среди эпизодов нет битвы со змеем или вражеским войском).

В русской традиции этот сюжет хорошо известен как тип СУС 502 «Медный лоб». Он относится к одному из наиболее распространенных сюжетов в русской сказочной традиции.

В указателе «Восточнославянская сказка» зафиксировано 35 вариантов этой сказки. Первый русский вариант был опубликован в 1786 г. в сборнике «Дедушкины прогулки» [Дедушкины прогулки 1786, 5–31].

Сейчас очевидно, что в указателе отмечены не все существующие публикации того или иного сюжетного типа. Об этом свидетельствуют исследования последних лет, изменившие представления о существовании не учтенных в СУС вариантов некоторых сюжетов [Лызлова 2013, 215–225; 2017, 189–201; Бер-Глинка 2014, 125–139; Добровольская 2015а, 26–31; 2015б, 133–142; 2016а, 217–225; 2016б, 3–14; 2017б, 202–220; 2017а, 4–7; 2017в, 139–150; 2018а, 12–27; 2018б, 226–238; 2019а, 20–30; 2019в, 113–127]. Так, например, одним из не учтенных указателем вариантов сюжетного типа 502 считают текст из сборника «Русские народные сказки Сибири о богатырях» [Матвеева 1979, № 15],

что отмечено в комментариях к тексту № 123 в сборнике сказок А. Н. Афанасьева [Бараг, Новиков 1984, 467]. Анализ данного текста показывает, что он действительно относится к рассматриваемому нами сюжетному типу, хотя и представляет собой весьма своеобразную его реализацию. Вместо чудесного пленника помощником героя становится Черный ворон, сидящий у отца Ивана-царевича «на цепях двенадцать лет».

В большинстве известных вариантов сказочники рассказывают о том, как царь пленил некоего лесного человека — Медного лба. Царевич освободил его, похитив ключи у матери, и был изгнан из царства вместе со своим слугой, который вынудил его обменяться платьем и социальным статусом, после чего царевич стал слугой и по прибытии в чужое царство был отправлен на конюшню или в сад, где с помощью Медного лба выполняет трудные задачи, спасает царевну от змеев и восстанавливает справедливость. В сибирском варианте ситуация иная. Иван-царевич оказывается приемным сыном колдуна-чародея: «летал над лесами однажды и нашел юношу лет семи в лесу. Взял его в дети». Причиной нарушения запрета открывать двенадцатый подвал, где был заперт Черный ворон, стала возлюбленная героя, которая, осматривая его дворец, сказала: «Да какой же ты хозяин! Все подвалы знаешь, а двенадцатый подвал не знаешь». Герою было «невесту прогнать неудобно — взял открыл». Спасаясь от гнева приемного отца, Иван-царевич бежит с его братом, которого сказочник именует «Бова-королевич, пролетарий». Именно он вынуждает героя отказаться от своего статуса. В сказке появляется мотив добывания чудесных коней у сестер Черного ворона, хотя в большинстве вариантов кони изменяют свой обычный облик на чудесный (серебряная шкура, золотая грива, на каждой гриве по жемчужине и т.д.). Такой развернутый текст со множеством вставных эпизодов не позволил составителю сборника причислить его к сюжетному типу СУС 502. Р. П. Матвеева выделила в нем сюжетный тип СУС 300 «Победитель змея» и СУС 361 «Неумойка», что связано, скорее всего, с развернутым рассказом о разноцветных скатертях,

после разворачивания которых появляются «вина, закуски, выпивка и всякое развлечение». Этот мотив встречается в сюжетном типе 361, но в данном случае сюжетная схема сказки данному сюжетному типу не соответствует. Сказочник А. А. Хлескин рассказывал именно сказку сюжетного типа 502, хотя и весьма своеобразную.

В корпусе пермских сказок, записанных в конце XX — начале XXI в., было выявлено два текста, относящихся к рассматриваемому сюжетному типу. До этого была известна одна публикация сказки данного сюжетного типа на территории Пермского края. Это текст, записанный А. Н. Зыряновым в Шадринском уезде Пермской губернии в 1850 г. и опубликованный в сборнике А. Н. Афанасьева с определенными стилистическими правками [Афанасьев 1984, № 125]. Он представляет собой контаминацию двух сюжетных типов СУС 502 и СУС 300 «Победитель змея», весьма традиционную для русской сказочной традиции. Уральских вариантов данного сюжетного типа зафиксировано три [Померанцева 1957, № 19; Бараг 1975, № 13, 18], причем все три текста — в русских селах Республики Башкортостан. Еще три текста — в Сибири [Верхоянский сборник 1890, 268–298; Сибирь 1928, № 12; Кожемякина 1973, 11–29]. Как видим, основной корпус сказок сюжетного типа 502 зафиксирован в европейской части России, и введение в научный оборот новых текстов русских уральских традиций позволяет уточнить функционирование рассматриваемого сюжетного типа на данных территориях. Но помимо этого поздние по времени записи тексты позволяют говорить о том, как сказочники работают со своим репертуаром, каково влияние на фольклорный текст книжной традиции, а в ряде случаев и других источников: радио, кино, мультипликации. Особый интерес в этой связи представляют именно сборники сказок: адаптированные тексты или наиболее популярные классические сборники, прежде всего, конечно, сборник сказок А. Н. Афанасьева. Именно к таким, подвергшимся книжному влиянию, текстам и относятся записи из Пермского края.

Первый рассматриваемый текст был записан в д. Перино Карагайского района Пермского края от Евдокии Николаевны

Новиковой, 1912 г.р., в 1981 г. И. А. Подюковым. Впервые текст был опубликован в малодоступном издании «Пермские сказки» [Пермские сказки 2000, 23–28].

Видимо, сказочница к моменту записи давно не рассказывала эту сказку, поэтому она несколько раз сбивалась и забывала последовательность эпизодов, однако постепенно вспомнила текст.

Вариант Евдокии Николаевны необычайно близок к варианту из сборника А. Н. Афанасьева [Афанасьев 1984, № 123].

Так, рассказывая, как царь узнал о мужике-лешем, Новикова говорит: «...идёт мужик, несёт лисичь да куничь, разных зверьков. Царь его спрашивает:

— Мужик, да где жо ты столько зверей наловил?

— Да в лесу.

— Да хто тебе розрешил зверей ловить в моим?

— Да леший, — говорит.

— А чё, ты его знашь?

— Знаю, — говорит. — Я, — говорит, — не только его знаю, я жилишшо его знаю, — говорит, — даже.

Ну, царь, не будь плохой, говорит:

— Давай, иди ко мне погостить, к царю.

Он живо — чё, от царя как отопрёшша? — к царю пошёл гостить. Царь его привёл, отдал на кухню етем, ну, стряпкам, оне... и сказал:

— Этого целовека пойте, кормите, что его душа желат, то и... тем и кормите.

Вот. А сам, не будь плохой, в то времё собрал войско. Войско собрал, пошёл... топеря собралось войско видимо-невидимо. Пошли в лес. И этого мужика забрали, которой у во гостил:

— Давай указывай нам путь, куда идти.

Ну он чё, подчинятьца едь надо, царю дак. Он пошёл. Пошли лесом цепью, чтоб от дружка несколько уж не отходя, не пропустить чтобы ёвб. Ну и пришли. Пришли, он вылетел и в руки имя попал, лшой ето. Оне тожно его привезли, привели к царю, бросили в подвал. В подвал бросили.

Тожно царь и мужик стали зверей ловить. Оне ловили зверей так хорошо, научился он этот, мужик-то».

У Афанасьева этот фрагмент короче: «Увидел он раз старика с соболями, с куницами, с бобрами, с лисицами.

— Стой, старик! Откудава ты?

— Родом из такой-то деревни, батюшка, а ныне служу у мужика-лешего.

— А как вы зверей ловите?

— Да леший-мужик наставит лёсы, зверь глуп — и попадёт.

— Ну, слушай, старик! Я тебя вином напою и денег дам; укажи мне: где лёсы ставите?

Старик соблазнился и указал. Король тотчас же велел лешего-мужика поймать и в железный столб заковать, а в его заповедных лесах свои лёсы поделал».

Как видим, у Евдокии Николаевны существенно больше деталей, чем в тексте из сборника А.Н. Афанасьева, но описание мужика, которого встречает царь, подкуп охотника, поимка лешего и его заточение идентичны.

Эпизод, связанный с освобождением лешего, у Евдокии Николаевны более лаконичный, чем в сборнике Афанасьева, но в этом случае мы отмечаем ряд совпадений. Ср.: **Новикова:** «А это, двери из подвала были в сад, где лешой сидит. Вот. А в саду гулял Иван-королевиц, сын их. Вот. А Лешой в шпылочку поглядыват, говорит:

— Иван-королевич, подойди суда.

Он подошёл:

— Чего тебе нужно?

Дак говорит:

— Выпусти меня на свободу.

— Ну как жо я тебя выпущу, ведь замок тяжёлой, ключи у матушки, тяжёлым замком закрыт, — говорит, — и ключи у матушки.

— А ты, — говорит, — иди, приласкайся к матушке, она для тебя всё одас. А только, — говорит, — меня выпусти. Я тебе пригожусь».

Афанасьев: «Вот сидит мужик-леший в железном столбе да в окошечко поглядывает, а тот столб в саду стоял. Вышел королевич с бабками, с мамками, с верными служанками погулять по саду; идёт мимо столба, а мужик-леший кричит ему:

— Королевское дитя! Выпусти меня; я тебе сам пригожусь.

— Да как же я тебя выпущу?

— А пойдй к своей матери и скажи ей: матушка моя любезная, поищи у меня вшей в головке. Да головку-то положи к ней на колени; она станет у тебя в голове искать, а ты улочи минуту, вытащи ключ у ней из кармана, да меня и выпусти.

Королевич так и сделал; вытащил ключ из кармана у матери, прибежал в сад,

сделал себе стрелку, положил на тугой лук и пустил её далеко-далеко, а сам кричит, чтоб мамки и няньки ловили стрелу. Мамки и няньки разбежались, в это время королевич отпёр железный столб и высвободил мужика-лешего».

Сказочница сохранила и подглядывание лешего за царским сыном, совет о том, как обмануть мать. В тексте Афанасьева присутствует эпизод с луком и стрелой. Он довольно традиционный для данного сюжета. В большинстве известных вариантов во время прогулки по саду стрела царевича попадает в темницу к пленнику, и тот, за возвращение вещи, требует освободить его. В варианте Афанасьева есть стрела, но герой посылает ее в сторону от пленника, чтобы сопровождающие его мамки-няньки побежали за ней. Евдокия Николаевна этот мотив не задействовала.

Наказание царевича за проступок у Афанасьева описано крайне скупо: «Взгоревался король: что ему с сыном делать? Казнить нельзя; присудили: отпустить его на все на четыре стороны, на все ветры полуденные, на все вьюги зимние, на все вихри осенние; дали ему котомку и одного дядьку». Новикова же описывает чувства и переживания героев довольно подробно: «Ну, ладно, он пришёл домой, закричал строго:

— Убирай с глаз моих, чтобы тебя здись не было!

И всё. Ну, чё, царица говорит:

— Ладно, толда я его отправлю уже куда-ненабудь.

Там ёму надавала деньги, одежду хорошую надавала, ну, всё, что полóжено ему с собой.

— А что, — говорит, — он некуда не бывал.

Она взяла дала ему слугу с собой, прислугу. Вот оне пошли, Иван-королевич пошёл с дядькой в путь-дорогу».

Надо отметить, что у сказочницы активность проявляет царица, которая, стараясь защитить сына, снабжает его всем необходимым и дает слугу. У Афанасьева же царевича выдворяют из дома и «дали ему котомку и одного дядьку».

Сам эпизод вынуждения царевича признать себя слугой описан у Афанасьева и у Новиковой подробно. Однако сказочница явно не помнит, что стало причиной подмены. Ср.: **Афанасьев:** «Говорит королевич дядьке:

— Ступай за водой!

— Нейду! — отвечает дядька.

Пошли дальше, шли-шли — опять колодезь.

— Ступай, принеси воды! Мне пить хочется, — просит дядьку королевский сын в другой раз.

— Нейду! — говорит дядька.

Вот ещё шли-шли — попадается третий колодезь, дядька опять нейдёт, и пошёл за водой сам королевич. Спустился в колодезь, а дядька захлопнул его крышкою и говорит:

— Не выпущу! Будь ты слугой, а я — королевичем.

Нечего делать, королевич согласился и дал ему в том расписку своей кровью; потом поменялись они платьями и отправились дальше».

У Афанасьева причина подмены ясна: дядька вынудил царевича самого пойти за водой, тот спустился в колодезь, а слуга захлопнул крышку и принудил хозяина к обмену.

У Евдокии Николаевны нет трех отказов дядьки идти за водой. Он отказывается только один раз. Сказочница пропускает фрагмент с угрозой жизни царевича и сразу описывает обмен одеждой. Вероятно, она просто забыла этот эпизод и рассказала только то, что смогла вспомнить. **Новикова:** «Вот оне пошли, Иван-королевич пошёл с дядькой в путь-дорогу. Шли оне, шли, долго или корóтко, Иван-королевич захотел пить и говорит:

— Дядька, ну-ко иди за водой, я пить захотел.

А дядька говорит:

— А что, ты пить захотел, а я тебе за водой пойду? Айда сам за водой!

Он ему подчинеться не стал. Ну, пошёл Иван-королевич за водой...

— Давай, с себя одежду снимай, что у тебя есь с собой, чисто всё мне отдавай. А я тебе с собой одежду отдам, а ты мне.

Ну и чё, жизнь дороже всего, он его добыл оттуль. Иван-королевич взял снял одежду с себя, надел дядька. Он дядькину одежду надел. Пошли вперёд».

Чрезвычайно интересен эпизод, который есть и в тексте Афанасьева, и в варианте Новиковой. Это рассказ о том, как царевич служит на кухне и завистливые повара решают отравить пирог, который он испек для царя. Ср.: **Афанасьев:** «Вот один раз сделал королевич пирог

и поставил в печку, а повара добыли яду, взяли да и посыпали на пирог. Сел царь обедать; подают пирог, царь только было за нож взялся, как бежит главный повар:

— Ваше величество! Не извольте кушать.

И наказал на королевича много всякой напраслины. Царь не пожалел своей любимой собаки, отрезал кусок пирога и бросил наземь; собака съела да тут же издохла. Призвал государь королевича, закричал на него грозным голосом:

— Как ты смел с отравой пирог изготовить, сейчас велю тебя казнить лютою казнию!

— Знать не знаю, ведать не ведаю, ваше величество! — отвечает королевич. — Видно, поварам в обиду стало, что во меня жалуете; нарочно меня под ответ подвели.

Царь его помиловал, велел конюхом быть».

Евдокия Николаевна практически полностью пересказывает этот фрагмент, однако наполняет его более развернутыми диалогами героев. **Новикова:** «— Да прислугу отправим на кухню.

Вот. Опеть на кухню отправили прислугу, а тот, быдто Иван-королевич, гостит. А это дядька. Вот. А у етого царя была дочь. Вот... ну, ето... Ишо до етого не дошла... Ну, етот Иван-королевич на кухне жил и так научилиса обеды готовить — лучше старшого повара. Вот, ему (старшему повару) обидно:

— Я столько годов работаю, меня царь не фалит и деньгами не дарит, а как-то вот такого... вот уж деньгами стал дарить.

Иван-королевич замесил тесто для пирога, а этот старший, значит, подложил отраву. Вот. Отраву подложил. Он пирог состряпал, живо испёк, царю поднёс:

— Давай, царь-батюшка, кушай.

Токо поднёс, и опить — там надо чё-нибудь делать — скорей убежал. Приходит старший повар, говорит:

— Царь-государь! Не вели казнить, вели слово молвить.

— Говори, не бойся.

— Твой любимый, — говорит, — поварёнок хочёт тебя отравить.

— Как это — отравить?

— Да, отравить хочёт.

Он взял, царь, от пирога конец оторвал, бросил собаке. Собака съела — тут жо сдохла. Вот. Он тожно:

— А ну-ко, ведите мне этого, — говорит, — поварёнка.

Привели.

— Ты что, — го{вори}т, — ты меня хочёшь отравить? Смотри, — говорит, — чё наделал, ты меня отравить хотел. А собака вот съела и издохла туто жо.

Он говорит:

— Нет, царь-батюшка, ето, можот быть, злые люди так подводят, а я не хочу тебя отравить. Это злые люди.

— Ну, ладно, — он говорит. — Убрать его с кухни! С кухни убрать его, его убрать конюхом».

Сравнения двух текстов можно продолжить. Безусловно, подобные совпадения нельзя объяснить только следованием сказочников единой сюжетной схеме. Скорее всего, Е. Н. Новикова была знакома с текстом из сборника А. Н. Афанасьева и старалась воспроизводить именно прочитанный или услышанный текст. Однако нельзя не отметить, что это не простой пересказ книжного текста. Исполнительница вставляет в сказку новые детали, создавая особый сказочный мир. В ее сказке появляются чудесные предметы, которых нет у Афанасьева. Дочери лешего в нем дарят герою скатерть-самобранку, чудесное зеркальце и волшебную дудочку. У Евдокии Николаевны также есть скатерть-самобранка, но две других чудесных диковинки заменены на палку-самобойку и чудесный перстень, дающий свет.

Евдокия Николаевна пытается импровизировать, и сюжет сказки приобретает индивидуальные черты. Чтобы поймать лешего, войско царя идет «цепью, чтоб от друг-друга нисколько уж не отходя, не пропустить чтобы его». Необычно реализуется и мотив битвы с врагом: герой побеждает вражеское войско с помощью палки-самобойки. Красочная речь персонажей. Так, например, царь, уговаривая дочь выйти замуж за ложного героя, произносит: «Да ты что дурака валяшь? Смотри, ты за того не пошла, скандал наделала, а счас и за этого опять не идешь. Он нам землю завоевал, а ты не идёшь за его». Таким образом, сказка, попавшая в репертуар сказочницы из книжной традиции, стала неким толчком не к пересказу, а к импровизации на тему услышанного или прочитанного. Евдокия Николаевна хорошо владела традицией, и это

позволяло ей импровизировать с текстом, привлекать различные предметные реалии, исключать отдельные элементы текста и т.д. Она наполняет сказку психологическими деталями, ее герои страдают, боятся, хитрят, любят и почти всегда объясняют свои поступки монологами. Так, царский повар, решивший положить яд в пирог, объясняет свой поступок: «Я столько годов работаю, меня царь не хвалит и деньгами не дарит, а как-то вот тако-го вот уж деньгами стал дарить».

Евдокия Николаевна представляет собой тип сказочницы-книжницы. Записанные от нее сказки в основном являются пересказами книжных версий, прежде всего взятых из широкодоступных публикаций сборника А. Н. Афанасьева. К сожалению, мы не знаем, читала Е. Н. Новикова эти сказки или только слушала их, но в любом случае она легко импровизировала с книжным текстом, соединяя различные источники.

Второй вариант рассматриваемого сюжетного типа был записан от Нины Андреевны Чечихиной, 1924 г.р., уроженки д. Курмакаш Уинского района. Запись была сделана в г. Чернушка Чернушского района в 2006 г. А. В. Черных и Д. И. Вайманом. Но с Ниной Андреевной несколько ранее работали участники краеведческой группы школьников под началом руководителя школьного этнографического музея Т. А. Гостюхиной. Именно ею была подготовлена и издана книга с 13 сказками Нины Андреевны, одной из которых была сказка «Медный лоб» [Сказки от бабушки Нины 2006, 30–35].

Н. А. Чечихина родилась 12 января 1924 г. в д. Курмакаш Уинского района Пермского края. В семье было восемь детей. Отец, чтобы прокормить семью, выучился на ветврача и счетовода, и семья переехала в Аспу, а затем в Чернушку. В 1935 г. отец Нины Андреевны умер. В 1939 г. девочка окончила 7 классов и поступила в Сарапульское педучилище. Несмотря на трудности военного времени, в 1942 г. Нина Андреевна получила диплом педагога начальных классов и была распределена в Удмуртию, а через два года вернулась в Чернушку. В 1946 г. вышла замуж, родила девятерых детей и до пенсии работала учительницей. (Подробнее о жизни Нины Андреевны см.: [Там же, 68–69].)

Н. А. Чечихина — крайне интересный тип сказочницы. Всё ее творчество ориентировано на книжную традицию. Она знала фольклорные сказки, которые слышала от своей бабушки (Прасковьи Васильевны Бахаревой, умершей в 1932 г.) и других старших родственников, но явно отдавала предпочтение литературным вариантам, преимущественно текстам из популярных изданий сборника А. Н. Афанасьева и школьных хрестоматий. Но это были не обычные пересказы прочитанного, а своеобразные авторские импровизации.

Нина Андреевна создавала тексты, понятные современным людям, и прежде всего детям. Ее интересовала психология героев, в ее сказках много пейзажных зарисовок и бытовых описаний. Сказочница легко и свободно импровизировала с текстом. Ее сказкам присущи оригинальные контаминации сюжетных типов, неожиданные детали и образы.

Сказка сюжетного типа 502 у Нины Андреевны имеет необычное вступление. В большинстве вариантов Медный лоб попадает в плен к царю во время охоты, реже его ловят подданные государя во время рубки леса или других работ. В данном случае сюжетная ситуация иная. Сказка начинается с оригинального эпизода, связанного с рождением царевича и наказом повивальной бабки следить за ребенком: «Жил-был царь. У царя радость — родился сын-первенец. Уж очень царь его дождался. Вот родился сынок, бабушка-повитушка завернула его в пелёночки и унесла в баньку. Вымыла, выпарила, обратно завернула, царю принесла. Положила царю на руки и говорит:

— Хороший у тебя, царь-батюшка, сынок родился, и умён и пригож будет, только смотри за ним в оба.

И отдала сына царю. А эти слова запали в душу царя».

Именно соблюдение этого наказа приводит к тому, что герой оказывается в лесу вместе с отцом. Мальчик падает с лошади, и его утешает таинственный голос. Царевич обращает внимание свиты на то, что в кустах кто-то есть, и царь пленяет Медного лба: «И вот однажды пошли они, поехали на охоту за быстрыми оленями. Сынок впереди, охотники за ним. <...> Ехали они, ехали, и вдруг конь споткнулся, и царевич выпал из седла. Выпал, закричал

громким голосом, заплакал. А охотники и сам царь позади остались. Не слышно, не видно их. И вдруг слышит царевич, кто-то таким ласковым голосом говорит:

— Не плачь, сынок, не плачь, царевич, сейчас отец подъедет, тебя на руки возьмёт.

Только услышал царевич такие слова — и вправду: подъехал царь на коне, взял царевича на руки, уговорил его, плакать не стал царевич. Плакать не стал, а сам показывает пальцем в кусты. Царь понять не может, уехать хочет. А царевич не пускает его уехать, тут заставляет быть. А потом царь смотрел-смотрел и в кустах-то услышал что-то шевелится. Внимательней посмотрел, а там великан — огромный-огромный человек. Голый, сам бледный и лоб медный».

Нельзя не отметить комментарий Нины Андреевны, в котором она объясняет причину пленения: «Пусть все цари соседние и королевичи приезжают и денежки мне заплотят, кто хочет посмотреть этого человека великана Медного лба». Захотел сразу разбогатеть». Этим замечанием сказочница сразу создает образ корыстного царя, для которого деньги необычайно важны.

Оригинальна и причина освобождения пленника. Как уже отмечалось выше, в большинстве вариантов в темницу попадает какая-то вещь царевича, чаще всего стрела или мячик, и чтобы получить вещь обратно, необходимо освободить пленника. В варианте Нины Андреевны присутствует стрела, попавшая в клетку: «А в это время сынок царевич золотую стрелу из лука пускал. И однажды он как пустил стрелу, и стрела попала в клетку к медному человеку. Медный человек взял стрелочку в руки, сидит, с руки на руку её перебрасывает». И в этом случае Нина Андреевна подчеркивает жадность царя. Царевич просит вернуть ему золотую стрелу, потому что «меня отец бранить будет». Однако Медный лоб не просит свободу в обмен на вещь, а стыдит царевича за то, что тот выдал его присутствие в лесу. Никакого обмана матери в варианте Нины Андреевны нет. Царевич сам находит ключ и освобождает пленника, и Медный лоб убегает: «Медный лоб и был таков, как не бывало. <...> Никто не видел, в которую сторону он ушел».

В большинстве вариантов царь либо сам узнает о бегстве пленника и кто его освободил, либо обвиняет в этом царицу (поскольку у нее хранятся ключи от темницы), а царевич, спасая мать, признается в своем поступке. У Нины Андреевны правду царю открывает девка-чернавка: «Вдруг выходит на крыльцо девка-чернавка, служанка, которая в скотной избе жила. Она подошла к царю и говорит:

— Царь-батюшка, не гневайся на меня, я тебе всю правду скажу. Это подошел ваш сынок Иван-царевич, открыл клетку, и Медный лоб убежал».

После чего царевича выгоняют из дома. Чтобы показать трагичность ситуации, сказочница замечает, что «даже хлеба кусочек ему никто не дал». Юношу не пустили ни в первое, ни во второе царство, и только в третьем его берут на службу — пасти коней.

В большинстве вариантов после попадания на службу герой встречается с Медным лбом, который начинает ему активно помогать. В варианте Нины Андреевны такой встречи не происходит, но из повествования понятно, что Медный лоб все-таки помогает царевичу: гривы у коней становятся серебряными, а рога коров и щетинки у свиней — золотыми.

В традиционных вариантах сказки происходит бой героя со змеем, в котором царевичу помогает Медный лоб, и затем следует женитьба на царевне. Нина Андреевна выбирает другой тип повествования. Увидев изменившихся животных, царь женит героя на своей дочери. В большинстве имеющихся вариантов царевна понимает, что она выходит замуж за истинного героя, соответствующего ей по социальному статусу. Более того, во многих случаях сказочники отмечают, что царская дочь заметила конюха еще до боя со змеем и влюбилась в него. Свадьба во всех этих текстах — благоприятный исход для молодой пары, это брак по любви, завершающий сказочное повествование.

В варианте Нины Андреевны царевна не выделяет царского сына из общей

массы слуг, он не выступает ее освободителем от змея или спасителем царства от иноземного войска. При таком типе развития сюжета свадьба с мнимым пастухом для царской дочери — своеобразный мезальянс, которым сказка закончиться не может: «Иванушка доволен, а царевна не довольна. То на него — Иванушка не так делает, и другое не эдак. Разговаривать с ним не хочет. И на постель не стала с ним ложиться». Именно поэтому сказочница решает продлить повествование, и далее сказка развивается в соответствии с сюжетным типом СУС 566 «Рога»¹. Этот сюжетный тип популярен в пермской [Зеленин Пермь 1914, № 3, 23, 99; Смирнов 1917, 287] и в уральской [Русские народные сказки Урала 1959, 165–168; Круляшова 1967, № 18; Барга 1969, № 4; Материалы и исследования 1974, № 2, 12–13, № 15, 40–44; Барга 1975, № 24] традициях². И конечно, он был известен Нине Андреевне и по книгам, и по кинематографу.

Вариант Нины Андреевны оригинален не только этой необычной контаминацией сюжетных типов. У нее Медный лоб помогает герою крайне мало. Как отмечалось выше, мы можем только догадываться, что он повлиял на появление у животных золотой шерсти. Поскольку битвы с противником в данном варианте нет, то и помощи в вооружении от Медного лба герой не получает. Нет ее и дальше. После того как царевна приказывает отвезти и бросить царевича в лесу, Медный лоб лишь объясняет, куда ему идти, и указывает на яблони, даже не сказав, что они чудесные: «— Я тебя, царевич, погубил, я тебя и спасу от неминуемой смерти. Вот иди сейчас в эту сторону. Держись только правой стороны! Смотри — не забывайся, не заглядывайся! Увидишь на опушке леса, две яблоньки растут. Возьми с этих яблонек яблочек, сколько тебе надобно, а там сам догадайся. А я больше тебе ничем помочь не могу. Если ты сумеешь — жить будешь, а не сумеешь — сам на себя пеняй». После чего Медный лоб исчезает и больше не появляется.

¹ Первая русская публикация [Старая погудка 1795, III, № 8, 35–48].

² Литературные параллели к данному сюжету присутствуют в «Золотом осле» Апулея и в своде раннебуддийских священных текстов «Трипитака». Более точные параллели выявляются в латинском сборнике «Gesta Romanorum» и в немецкой народной книге «Фортунат», повествующей о том, как у Андолозия и его возлюбленной отрастают длинные рога после того, как они отведали волшебных яблок.

В своем варианте сказки Нина Андреевна создает развернутые картины чудесных превращений героя, девки-чернавки и царевны. Так, описывая превращение героя, сказочница говорит: «Съел яблочко, съел второе и чувствует: голова у него стала тяжелая. Тяжело, но всё равно жить надобно. Пошел к ручью, слышит — недалеко ручей журчит. Только наклонился к ручью, да так и ахнул. Видит в ключике, как в зеркале: на голове у него огромные олени рога выросли. Он думает: “Это, наверно, от яблочек”. Смекнул, в чем дело, нарвал еще яблочек и дальше пошел. Идет-идет, снова проголодался. Опять яблонька растет. Сорвал яблочек со второй яблоньки, в другой карман положил. И съел. Сначала одно яблочко съел, только начал второе яблочко закусывать, чувствует — голове становится легче и легче. Пощупал свою голову, а никаких рогов на голове как не бывало».

Склонность сказочницы к детализации видна в описании эпизода с отросшими у царевны рогами: «А царевна посмотрела в зеркало и увидела себя с оленьими рогами. Давай кричать, одежду на себе рвать. Царь с царицей прибежали, не знают, в чем дело. Давай лекарей разных звать, знахарок. Прибежали все — заговоры читают, умывают, святой водичкой брызгают. Ничего не помогает! А рога растут да растут. Ни сидеть, ни стоять не дают. Положили царевну на постель, а для рогов полку сделали. Рога на полке, а царевна на кровати лежит».

Глубоким психологизмом проникнута сцена избавления героини от рогов. Царевич, прикинувшийся знахарем, спрашивает героиню, не обидела ли она кого-нибудь и как она себя будет вести с обиженным, если это поможет ей избавиться от рогов. Царевна признает свою вину. И сказочница создает очень эмоциональную сцену: «Я бы в ноги ему упала, прощения попросила, расцеловала и верной бы женой ему стала. Только бы избавили меня от этой напасти».

Иван-царевич тогда достает первое яблочко, яблочко с первой яблоньки. И говорит:

— Вот съешь это яблочко.

Она съела, посмотрела на Ивана-царевича и сразу его узнала. В ноги ему упала, целовала, обнимала и родным мужем

называла. И живут они теперь, поживают и горя не знают».

Н. А. Чечихина также представляет собой тип сказочника-книжника. Она хорошо знала фольклорную традицию, но ее симпатии явно принадлежали сказкам, которые она читала. Она не пересказывает прочитанные тексты, а создает на их основе свои. К сожалению, в нашем распоряжении нет повторных записей сказок Нины Андреевны, и мы лишены возможности проанализировать процесс ее творчества, степень ее импровизационного начала. Но, судя по имеющимся материалам, Нина Андреевна свободно обращалась с текстом, легко сочетая элементы фольклорной традиции и приемы, свойственные авторской литературе.

Два рассмотренных текста сюжетного типа СУС 502 относятся к текстам-импровизациям, созданным сказочницами на основе книжных вариантов сказки.

В последние несколько десятилетий тенденция к созданию «своих сказок» стала типичной для сказочников. Используя фольклорную традицию, исполнители стараются наполнить рассказываемый ими текст элементами, присущими литературе. В сказках появляются портреты, пейзажные зарисовки, сказочников интересует психология персонажей, их внутренние переживания. Здесь много разнообразных деталей предметного мира, размышлений сказочника о своих героях и т.д. Подобным текстам, с одной стороны, свойственна подчеркнутая сказочная обрядность, а с другой — отступление от сказочного канона для придания повествованию динамики. Сказочники легко и очень органично сочетают мотивы разных сказок в одном тексте, у них появляются детали и образы из кино- и мультфильмов, но особое внимание они уделяют книге. Преимущественно это адаптированные тексты из сборника А. Н. Афанасьева, переложения русских сказок Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского, А. Н. Толстого и др. Это авторские тексты В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, С. Т. Аксакова, П. П. Бажова. Сказочников могут привлечь тексты современных авторов, сказки из учебников и хрестоматий. Ряд исполнителей стремились именно к созданию книг своих сказок. Таким сказочником был П. И. Акулов [Тверские сказки 1997]. Но большинство ориентировались на устную традицию.

Такой сказочницей была Е. Г. Падкина [Судогда 1999, 154–178; Добровольская 2019а, 21–32]. К этому же типу сказочников-книжников можно отнести А. И. Садвникову [Добровольская 2015в, 57–69], Е. Н. Трясцину [Сказки Е. Н. Трясциной 2020] и многих других сказочников конца XX — начала XXI в. Относятся к ним

и Е. Н. Новикова, и Н. А. Чечихина. В основе их сказок лежит книжная версия сюжета. Если у Евдокии Николаевны источник можно назвать точно — это текст из сборника Афанасьева, то для сказки Нины Андреевны прямой параллели нет, но книжное влияние на исполнительскую манеру сказочницы очевидно.

Источники и материалы

Афанасьев 1984 — Русские народные сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1984.

Бараг 1969 — Народные сказки, легенды, предания и были Башкирии / Сост. и авт. вступ. ст. Л. Барага. Уфа: Башкиргоиздат, 1969.

Бараг 1975 — Сказки, легенды и предания Башкирии в новых записях на русском языке / Под ред. и с коммент. Л. Г. Барага. Уфа: Башк. книжн. изд-во, 1975.

Верхоянский сборник 1890 — Верхоянский сборник: Якут. сказки, песни, загадки и пословицы, а также рус. сказки и песни, зап. в Верхоян. окр. И. А. Худяковым. Иркутск: Изд. на средства И. М. Сибирякова, 1890. (Записки Восточно-Сибирского отделения ИРГО по этнографии. Т. 1. Вып. 3. Под ред. правителя дел).

Дедушкины прогулки 1786 — Дедушкины прогулки, или Продолжение настоящих русских сказок. СПб.: Печ. у Вильковского и Галченкова, 1786.

Добровольская 2017а — *Добровольская В. Е.* В дополнение к указателю сказочных сюжетов: новые записи сказки «Жена ужа» (СУС 425М) // Живая старина. 2017. № 1. С. 4–7.

Зеленин 1914 — *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914. (Записки РГО. Т. XLI).

Кожемякина 1973 — Сибирские сказки / Зап. И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной; Ред. Н. А. Каргаполов; [Вступ. ст. И. С. Коровкина]. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973.

Кругляшова 1967, № 18 — Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим) / Сост., авт. вступ. ст. и прим. В. П. Кругляшова. Свердловск: [Б. и.], 1967.

Матвеева 1979 — *Матвеева Р. П.* Русские народные сказки Сибири о богатырях. Новосибирск: Наука, 1979.

Материалы и исследования 1974 — Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала / Отв. ред. Л. Г. Бараг. Уфа: [Б. и.], 1974. Вып. 1.

Пермские сказки 2000 — Пермские сказки: Современный фольклор Прикамья / Собр. и сост. И. Подюков. Пермь: ПРИПИТ, 2000.

Померанцева 1957 — Русское народное творчество в Башкирии / Под общ. ред. Э. В. Померанцевой. Уфа: Башкиргоиздат, 1957.

Русские народные сказки Урала 1959 — Русские народные сказки Урала / Ред.-сост. П. Галкин, М. Китайник и др. Свердловск: Кн. изд-во, 1959.

Сибирь 1928 — Сказки из разных мест Сибири / Под ред. проф. М. К. Азадовского. Иркутск: Тип. изд-ва «Власть труда», 1928.

Сказки Е. Н. Трясциной 2020 — Сказки Евдокии Никитичны Трясциной / Авт. колл.: Добровольская В. Е., Мехнецова Г. Н. и др.; Черных А. В. (отв. ред.). СПб.: Маматов, 2020.

Сказки от бабушки Нины 2006 — Сказки от бабушки Нины. Зап. Т. А. Гостюхина и К. Миншахова. Чернушка: Парус, 2006.

Смирнов 1917 — Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. Вып. 1 / Изд. А. М. Смирнова. Пг.: Тип. Рос. акад. наук, 1917. (Записки РГО по Отделению этнографии).

Страпарола 1978 — *Страпарола да Караванджо Дж.* Приятные ночи / Изд. подгот. А. С. Бобович, А. А. Касаткин и др.; Отв. ред. А. Д. Михайлов. М.: Наука, 1978. (Литературные памятники).

Судогда 1999 — Фольклор Судогодского края / Сост. В. Е. Добровольская, И. А. Морозов и др.; Под общ. ред. А. С. Каргина. М.: ГРЦРФ, 1999.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский и др. Л.: Наука, 1979.

Тверские сказки 1997 — *Акулов П. И.* Тверские сказки / Сост. Л. М. Концедайло, О. В. Смирнова. Тверь: Твер. обл. тип., 1997. (Тверской фольклор).

ATU 2004 — The types of international folktales. A classification and bibliography. Pt. I–III. Helsinki: Academia Scientiarum; Fennica, 2004.

Исследования

Бараг, Новиков 1984 — *Бараг Л. Г., Новиков Н. В.* Примечания. Медный лоб // Русские народные сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1984. С. 467.

Бер-Глинка 2014 — *Бер-Глинка А. И.* К типологии восточнославянских сказок о змеях № 672 и 673 по системе Аарне-Томпсона // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 125–139.

Добровольская 2015а — *Добровольская В. Е.* Сказка «Про раков» из сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии»

в контексте русских сказок СУС 425М // Вятский родник: Сб. фольклорных и краеведческих материалов. Киров: Кировский обл. дом народного творчества, 2015. С. 26–31.

Добровольская 2015б — Добровольская В. Е. История фиксации сказки «Жена ужа» (425 М) у русских // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 133–142.

Добровольская 2015в — Добровольская В. Е. Сказочница А. И. Садовникова (Тверская область, Западнодвинский район) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 17: Фольклорные традиции в поликультурных зонах России: Сб. науч. ст. М.: ГРЦРФ, 2015. С. 57–69.

Добровольская 2016а — Добровольская В. Е. Поволжские варианты сказки «Жена ужа» (СУС 425М) // Традиционная культура народов Поволжья: Матер. III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (9–11 февраля 2016 г.): В 2 ч. Ч. 1 (А – К). Казань: Ихлас, 2016. С. 217–225.

Добровольская 2016б — Добровольская В. Е. Воронежские варианты сказки «Жена ужа» (СУС 425М) в контексте русской сказочной традиции // Народная культура и проблемы ее изучения: Сб. ст. Матер. рег. науч. конф. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2016. С. 3–14.

Добровольская 2017б — Добровольская В. Е. Тверские сказки об ужовой невесте (СУС 425М) в контексте общерусской сказочной традиции // Фольклор Большой Волги: Сб. науч. ст. М.: Роскультпроект, 2017. С. 202–220.

Добровольская 2017в — Добровольская В. Е. Сюжет «Амур и Психея» (СУС 425А) в русской сказочной традиции // Традиционная культура. 2017. № 3. С. 139–150.

Добровольская 2018а — Добровольская В. Е. Мнимая и реальная инвалидность в русской волшебной сказке в контексте фольклорной

традиции // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 12–27.

Добровольская 2018б — Добровольская В. Е. «Ореховая веточка»: редакция сюжетного типа СУС 425С «Аленький цветочек» (сказка староверов Литвы в контексте русской сказочной традиции) // Из истории русской фольклористики. Вып. 10: Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры: К юбилею Юрия Александровича Новикова. СПб.: Свое изд-во, 2018. С. 226–238.

Добровольская 2019а — Добровольская В. Е. Сюжет ATU 510В “Peau d’Asne” / СУС 510В «Свиной чехол» в русской сказочной традиции // Традиционная культура. 2019. № 1. С. 20–30.

Добровольская 2019б — Dobrowolska W. Inwencja twórcza w bajce ludowej: przypadek Efmii Grigoriewny Padkiny / Индивидуальное творчество в фольклорной сказке: случай Ефимии Григорьевны Падкиной // Przegląd rusycystyczny / Русское обозрение. 2019. № 1 (165). С. 2–32.

Добровольская 2019в — Добровольская В. Е. Сказка «Финист ясный сокол» (СУС 432) в русской фольклорной традиции и авторской литературе // Традиционная культура. 2019. № 5. С. 113–127.

Лызлова 2013 — Лызлова А. С. К проблеме взаимоотношений русской устной фольклорной традиции и лубочной литературы: сказки о животных-зятях // IDIL. 2013. Т. 2. № 7. С. 215–225.

Лызлова 2017 — Лызлова А. С. «Сказка о Светлане Прекрасной» из репертуара И. Ф. Ковалева (д. Шадрино Нижегородской области) в контексте общерусской сказочной традиции // Фольклор Большой Волги. М.: Роскультпроект, 2017. С. 189–201.

© В. Е. Добровольская, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Добровольская В. Е. <https://orcid.org/0000-0002-2346-7493>

Кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского искусствознания Института славянской культуры Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технология. Дизайн. Искусство): Российская Федерация, 119071, г. Москва, Малая Калужская ул., д. 1; тел.: +7 (495) 951-31-48; e-mail: dobrovolska@inbox.ru

Perm Variants of the Fairy Tale Type SUS 502 “Copper Forehead”: Between Book and Folklore Traditions

Varvara E. Dobrovolskaya

(A. N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art): 1, Malaya Kaluzhskaya str., Moscow, 119071, Russian Federation)

Summary. This article analyzes two newly identified texts of fairy tales with the plot type SUS 502 “Copper Forehead” (ATU 502 “Wild Man”). The two texts are improvisational, created by storytellers based on book versions of the text. Under the influence of the book tradition, storytellers are interested in the psychology of the characters and their inner experiences. In the texts under consideration, there are many varying details concerning the characters’ world and the storyteller’s reflections on his heroes. Storytellers easily and organically combine motifs from several fairy tales in one text, and they may also include details and images from movies and cartoons, but they pay special attention to the book. Mostly, these are texts adapted from of A. N. Afanasyev’s collection. The fairy tales of E. N. Novikova and N. A. Chechikhina are based on book versions of the plot 502. Evdokiya Nikolaevna’s source is specified as from Afanasyev, while there is no direct parallel for Nina Andreyevna’s version, although the influence on her performance of books is obvious.

Key words: Russian fairy tale, performing art, folklore and books.

Received: May 9, 2021.

Date of publication: September 25, 2021.

For citation: Dobrovolskaya V.E. Perm Variants of the Fairy Tale Type SUS 502 “Copper Forehead”: Between Book and Folklore Traditions. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 3. Pp. 53–65. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.3.004>

References

Barag L. G., Novikov N. V. (eds.) (1984) Primechaniya. Mednyi lob [Notes. Copper Forehead]. In: Russkie narodnye skazki A. N. Afanaseva [The Russian Folktales of A. N. Afanasyev]. Vol. I. Moscow: Nauka. P. 467. In Russian.

Ber-Glinka A. I. (2014) K tipologii vostochnoslavjanskikh skazok o zmeyakh № 672 i 673 po sisteme Aarne — Tompsona [Toward a Typology of East Slavic Tales About Snakes: No. 672 and 673 According to the Aarne — Thompson System]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2014. No. 1. Pp. 125–139. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2015a) Skazka “Pro rakov” iz sbornika D. K. Zelenina “Velikorusskie skazki Vyatskoi gubernii” v kontekste russkikh skazok SUS 425M [Tale “About Crayfish” from the Collection of D. K. Zelenin, “Great Russian Tales of the Vyatka Province,” in the Context of Russian Fairy Tales SUS 425M]. In: Vyatskii Rodnik [Vyatka Spring]. Kirov: Kirovskii oblastnoi dom narodnogo tvorchestva. Pp. 26–31. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2015b) Istoriya fiksatsii skazki “Zhena uzha” (425M) u russkikh [History of Recording the Tale “Wife of the Snake” (425M) in Russian]. *Traditsionnaya kultura* [Traditional Culture]. 2015. No. 4. Pp. 133–142. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2015v) Skazochnitsa A. I. Sadovnikova (Tverskaya oblast’, Zapadnodvinskii

raion) [The Storyteller A. I. Sadovnikova (Tver Region, Zapadnodvinsky District)]. In: Slavyanskaya traditsionnaya kultura i sovremennyi mir. T. 17: Fol’klornye traditsii v polikul’turnykh zonax Rossii [Slavic Traditional Culture and the Modern World. Vol. 17: Folklore Traditions in Multicultural Zones of Russia]. Moscow: GRTsRF. Pp. 57–69. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2016a) Povolzhskie varianty skazki “Zhena uzha” (SUS 425M) [Volga Variants of the Fairy Tale “Wife of the Snake” (SUS 425M)]. In: Traditsionnaya kultura narodov Povolzhia [Traditional Culture of Peoples of the Volga Region]. P. 1 (A–K). Kazan: Ikhlis. Pp. 217–225. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2016b). Voronezhskie varianty skazki “Zhena uzha” (SUS 425M) v kontekste russkoi skazochnoi traditsii [Voronezh Variants of the Tale “The Wife of the Snake” (SUS 425M) in Context of the Russian Fairy-Tale Tradition]. In: Narodnaya kultura i problemy ee izucheniya [Folk Culture and the Problems of Its Study]. Voronezh: VGU. Pp. 3–14. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (2017b) Tverskie skazki ob uzhoi neveste (SUS 425M) v kontekste obshcherusskoi skazochnoi traditsii [Tver Tales About the Snake Bride (SUS 425M) in the Context of the Russian Fairy-Tale Tradition]. In: Folklor Bolshoi Volgi [Folklore of the Great Volga]. Moscow: Roskul’tproekt. Pp. 202–220. In Russian.

Dobrovolskaya V.E. (2017v) Syuzhet “Amur i Psikhheya” (SUS 425A) v russkoi skazochnoi traditsii [The Plot of “Cupid and Psyche” (SUS 425A) in the Russian Fairy-Tale Tradition]. In: *Traditsionnaya kultura* [Traditional Culture]. 2017. No. 3. Pp. 139–150. In Russian.

Dobrovolskaya V.E. (2018a) Mnimaya i real'naya invalidnost v russkoi volshebnoi skazke v kontekste folklornoj traditsii [Feigned and Real Disability in the Russian Fairy Tale in the Context of the Folklore Tradition]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2018. No. 1. Pp. 12–27. In Russian.

Dobrovolskaya V.E. (2018b) “Orehovaya ve-tochka”: redaktsiya syuzhetnogo tipa SUS 425S “Alen'kii tsvetochek” (skazka staroverov Litvy v kontekste russkoi skazochnoi traditsii) [“Nut Twig”: the Modification of the Plot Type SUS 425C “Scarlet Flower” (A Fairy Tale of the Old Believers of Lithuania in the Context of the Russian Fairy-Tale Tradition)]. In: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki* [From the History of Russian Folklore Studies]. Vol. 10. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo. Pp. 226–238. In Russian.

Dobrovolskaya V.E. (2019a) Syuzhet ATU 510B “Peau d'Asne” / SUS 510V “Svinoi chekhol” v russkoi skazochnoi traditsii [The Plot of ATU 510B “Peau d'Asne” / 510B “Pigskin Case” in the Russian Fairy-Tale Tradition]. *Traditsionnaya kultura* [Traditional Culture]. 2019. No. 1. Pp. 20–30. In Russian.

Dobrovolskaya V.E. (2019b) Inwencja twórca w bajce ludowej: przypadek Efimii Grigoriewny

Padkiny / Individual'noe tvorchestvo v fol'klornoj skazke: sluchai Efimii Grigor'evny Padkinoi [Individual Creativity in a Folktale: The Case of Efimiya Grigoryevna Padkina]. *Przegląd Rusycystyczny / Russkoe Obozrenie* [Russian Review]. 2019. No. 1 (165). Pp. 21–32. In Polish and in Russian.

Dobrovolskaya V.E. (2019v) Skazka “Finist Yasnyi Sokol” (SUS 432) v russkoi fol'klornoj traditsii i avtorskoi literature [The Fairy Tale “Finist the Bright Falcon” (SUS 432) in the Russian Folklore Tradition and Literature]. *Traditsionnaya kultura* [Traditional Culture]. 2019. No. 5. Pp. 113–127. In Russian.

Lyzlova A.S. (2013) K probleme vzaimootnoshenii russkoi ustnoi folklornoj traditsii i lubochnoi literature: skazki o zhivotnykh-zhyatyakh [On the Problem of Relations Between the Russian Oral Folklore Tradition and Popular Literature: Tales of Son-In-Law Animals]. *IDIL*. 2013. T. 2. No. 7. Pp. 215–225. In Russian.

Lyzlova A.S. (2017) “Skazka o Svetlane Prekrasnoi” iz repertuara I. F. Kovaleva (d. Shadrino Nizhegorodskoi oblasti) v kontekste obshcherusskoi skazochnoi traditsii [“The Tale of Svetlana the Beautiful” from the Repertoire of I. F. Kovalev (Shadrino Village, Nizhny Novgorod Region) in the Context of the Russian Folk Tradition]. In: *Folklor Bolshoi Volgi* [Folklore of the Great Volga]. Moscow: Roskul'tproekt. Pp. 189–201. In Russian.

© V.E. Dobrovolskaya, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Varvara E. Dobrovolskaya <https://orcid.org/0000-0002-2346-7493>

E-mail: dobrovolska@inbox.ru

Tel.: +7 (495) 951-31-48

1, Malaya Kaluzhskaya str., Moscow, 119071, Russian Federation

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of General and Slavic Art Studies, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)